

ЛИНГВИСТИКА

УДК / UDC 811(=512.157)=512.31
DOI: 10.22162/2500-1523-2023-4-727-741

Образная (изобразительная) лексика в якутском и бурятском эпосах: лексические параллели

*Евгения Егоровна Жиркова*¹

¹ Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова (д. 42, ул. Кулаковского, 678013 Якутск, Российская Федерация)
научный сотрудник

 0000-0002-1821-5320. E-mail: jenyasyr[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2023

© Жиркова Е. Е., 2023

Аннотация. *Введение.* В статье проводится сравнительный анализ образной (изобразительной) лексики якутского и бурятского языков на материале эпических текстов. *Цель исследования* — выявить особенности использования лексических параллелей якутской и бурятской образной (изобразительной) лексики в текстах бурятского улигера и якутских олонхо. Актуальность исследования определяется нарастающим интересом в лингвофольклористике к изучению языка на материале эпических текстов для выявления специфики языка эпоса в целом. В ходе исследования были использованы *методы* лексико-семантического анализа и сравнительно-исторический. В качестве *материала* для исследования использованы тексты бурятского улигера «Аламжи Бэргэн» Е. Шалбыкова и якутских олонхо «Кыыс Дэбилэй» Н. П. Бурнашева, «Могучий Эр Соготох» В. О. Каратаева, «Хаан Джаргыстай» неизвестного верхоянского олонхосута (записан И. А. Худяковым). Три текста олонхо представляют три основные региональные эпические традиции, что дает возможность учесть практически все локальные особенности текста олонхо. *Результаты.* В ходе исследования выявлено 12 лексических параллелей в образной лексике, представленной в якутском и бурятском эпических текстах. Обнаруженные лексические единицы образной (изобразительной) лексики по объекту описания условно разделены на три тематические группы: 1) образные слова, описывающие внешний вид; 2) образные слова, описывающие мимику и лицо; 3) образные слова, описывающие форму предметов. Сравнительный анализ обнаруженных лексических параллелей показал, что они обладают ярким эмоционально-экспрессивным характером, позволяющим выразить отношение сказителя к сказываемому; имеют одинаковое семантическое значение и одинаковый принцип развития семантического значения образного слова; а также общие закономерности словообразования, что значительно расширяет лексическое разнообразие изучаемого пласта языка.

Ключевые слова: образная лексика, изобразительная лексика, эпический текст, олонхо, улигер, якутский язык, бурятский язык, семантика, словообразование

Для цитирования: Жиркова Е. Е. Образная (изобразительная) лексика в якутском и бурятском эпосах: лексические параллели // Монголоведение. Т. 15. № 4. С. 728–742.
DOI: 10.22162/2500-1523-2023-4-728-742

Figurative Vocabulary in the Yakut and Buryat Epics: Lexical Parallels

Eugenia E. Zhirkova¹

¹ M. K. Ammosov North-Eastern Federal University (42, Kulakovski St., Yakutsk, Russian Federation)

Research Associate

 0000-0002-1821-5320. E-mail: jenyasyr[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Zhirkova E. E., 2023

Abstract. *Introduction.* The article presents a comparative analysis of the figurative vocabulary of the Yakut and Buryat languages on the basis of epic texts. The figurative vocabulary in both languages is specific part of its lexicon which have a common roots. The *purpose* of the study is to identify the features of the use of lexical parallels of the Yakut and Buryat figurative vocabulary in the texts of the Buryat uliger and Yakut olonkho. The relevance of the study is determined by the growing interest in linguistic folklore in the study of language based on the material of epic texts in order to identify the specifics of the language of the epic as a whole. For research a lexical and semantic analysis and comparative historical *method* were used. *Materials.* The texts of the Buryat uliger “Alamzhi Bergen” by E. Shalbykov and the Yakut olonkho “Kyys Debiliye” by N. P. Burnashev, “Mighty Er Sogotokh” by V. O. Karataev, “Khaan Dzhargystai” by unknown olonkhosut from Verkhoyansk were used as material for the study. The three olonkho texts are represented by three main regional epic traditions, which makes it possible to take into account almost all the local features of the olonkho text. *Results.* The study revealed 12 lexical parallels in the figurative vocabulary presented in the Yakut and Buryat epic texts. These lexical parallels were divided into three thematic groups by the way of description. Thus, first group is figurative words describing the figure, second is the group of words describing facial expressions and face, and the last one is the words describing the shape of objects. A comparative analysis of the revealed lexical parallels showed that they have a emotionally expressive character that allows expressing the narrator’s attitude to the described object, have the same semantic meaning, the same ways of word formation and the general principle of word formation.

Keywords: figurative vocabulary, epic text, olonkho, uliger, Yakut language, Buryat language, semantics, word formation

For citation: Zhirkova E. E. Lexical Parallels in the Figurative Vocabulary of the Yakut and Buryat Languages in Epic Texts. *Mongolian Studies (Elista)*. 2023; 15(4): 728–742. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2023-4-728-742

1. Введение

Вопрос сходства тюркских и монгольских языков вызывает интерес у исследователей языка не одно столетие, в первую очередь в свете теории алтайского языкового родства, согласно которой многими алтаистами предполагается, что существовал единый тюрко-монгольский праязык (см., например: [Рамstedт 1957: 9–10; и др.]). Однако существует и другая гипотеза, согласно которой сходство между тюркскими и монгольскими языками возникло в результате разнообразных контактов между тюркскими и монгольскими этносами (см., например: [Котвич 1962: 351–352; и др.]).

Якутский язык относится к тюркским языкам, но занимает особое место среди них. Это связано с многочисленными заимствованиями из монгольских языков, которые глубоко проникли в лексический фонд якутского языка, а также в фонетику и систему словообразования. Вопрос соотношения якутского языка и монгольских языков всегда вызывал научный интерес среди исследователей якутского языка (О. Н. Бётлингк [Бётлингк 1989], В. В. Радлов [Radloff 1908], Ст. Калужинский [Kaluzynski 1961], Н. К. Антонов [Антонов 1966] и др.).

В рамках нашего исследования особое значение имеет работа Е. И. Убрятовой «Якутский язык в его отношении к другим тюркским языкам, а также к языкам монгольским и тунгусо-маньчжурским» [Убрятова 1960], в которой некоторая автономия образных слов в морфологической системе якутского языка объясняется заимствованием их основ из монгольской лексики. Е. И. Убрятова также утверждает, что «монголизмы в большинстве разделов лексики представляют собой единичные вкрапления. Единственная область, в которой они преобладают, это образные и звукоподражательные слова» [Убрятова 1960: 6].

Важными являются также исследования В. И. Рассадина по монголо-бурятским заимствованиям в тюркских языках Сибири [Рассадин 1980; Рассадин 2017]. Исследователем проведен анализ якутской лексики монгольского происхождения, которую он разбил по частям речи, внутри них сгруппировал слова по тематическому принципу. Так, В. И. Рассадин особо выделил среди имен прилагательных монгольского происхождения те, которые образованы посредством аффикса *-бар* от основ глагола и которые характеризуют предметы с внешней стороны, выделяя при этом их основные черты, и среди глаголов — семантически выделяющуюся группу образных глаголов. Исследователь отмечает их многочисленность в якутском языке и их семантическое разнообразие.

В настоящей статье образная лексика якутского языка рассматривается в сравнительном плане с изобразительной лексикой бурятского языка в рамках эпического текста (якутский героический эпос олонхо и бурятский улигер) с целью обнаружения лексических параллелей между якутской и бурятской образной (изобразительной) лексикой и определения их лексико-семантических особенностей функционирования в эпическом тексте.

Для сравнительного анализа образной (изобразительной) лексики якутского и бурятского языков привлечен материал из эпического текста. Выбор текстов якутского олонхо и бурятского улигера определяется тем, что язык эпоса в целом отличается высокой вариативностью и архаичностью, в нем сохранен ценный лингвистический материал, изучение которого позволит решить ряд существенных вопросов в языкознании, литературоведении и лингвофольклористике: от исторических языковых контактов до когнитологических аспектов языка.

Актуальность исследования обуславливается нарастающим интересом в лингвофольклористике к изучению языка эпоса. В связи с этим новизна принятого исследования заключается в выявлении лексических параллелей в образной (изобразительной) лексике, определении их лексико-семантических особенностей и специфики функционирования в рамках эпических текстов якутского и бурятского языков. В ходе исследования были применены следующие методы: метод сплошной выборки, лексико-семантический анализ, сравнительно-исторический метод.

2. История изучения образной (изобразительной) лексики в якутском и бурятском языках

Образные слова в современном якутском языке принято рассматривать как самостоятельную часть речи, наравне со звукоподражательными словами. Однако долгое время эти слова воспринимались лишь как изобразительное средство речи, но не как грамматическая категория языка. Первые упоминания об этом находим в небольшом параграфе «Образные речения» в «Грамматике якутского языка» С. В. Ястремского [Ястремский 1900: 36]. На удивительную описательность образных слов также обратил внимание А. Е. Кулаковский, дав им название «картинные слова». Он отмечал, что эти слова «закключают в себе всю притягательную силу языка, вследствие своей гибкости, образности и меткости» [Кулаковский 1979: 385]. В якутской лингвистике Л. Н. Харитонов первым разграничил образные и звукоподражательные слова и рассмотрел в качестве отдельных самостоятельных частей речи [Харитонов 1954: 13–14; Харитонов 1960: 9]. Он выделил собственно образные слова, которые отнес к неизменяемым словам, и отметил, что «в функциональном отношении образные слова относятся к недостаточным, ущербным словам» [ГСЯЛЯ 1982: 375], которые могут выступать лишь как компонент аналитической формы глагола или в парной и редупликационной форме. Однако все богатство образной лексики якутского языка представлено производными глагольными, именными и наречными образными словами, в которых неизменяемые собственно образные слова выступают в качестве основы. Например, от образной основы *ньым* ‘плотно закрытый, без звука и движения, мертвая тишина’ [ГСЯЛЯ 1982: 382] образуется глагол *ньымий* ‘смыкать, плотно сжимать губы’ [БТСЯЯ, 7 2010: 108], прилагательное *ньымигир* ‘сжатый, сомкнутый (о губах)’ [БТСЯЯ, 7 2010: 108], наречие *ньымиччи* ‘пождав (напр., губы); плотно впритык’ [БТСЯЯ, 7 2010: 111]).

В бурятской лингвистике для обозначения образной лексики применяется термин «изобразительные слова», которые включают в себя и образные, и звукоподражательные слова. Изобразительные слова как самостоятельная часть речи впервые стали предметом исследования в работе Ц. Б. Цыдендамбаева [Цыдендамбаев 1958]. Позже изобразительные слова были рассмотрены Л. Д. Шагдаровым в монографии «Изобразительные слова в современном бурятском языке» [Шагдаров 1962]. В ней исследователь представил полную структурную и семантическую характеристику изобразительных слов. Данная работа особенно ценна тем, что исследователь приводит развернутый теоретический обзор трудов по образной (изобразительной) лексике тюркских, финно-угорских и некоторых тунгусо-маньчжурских языков. Среди них находим работу Л. Н. Харитонova «Типы глагольной основы в якутском языке», посвященную якутскому глаголу, в том числе и образным глаголам [Харитонов 1954]. В ходе обзора Л. Д. Шагдаров проводит сравнение с изобразительной лексикой бурятского языка и отмечает основные сходные и отличительные черты [Шагдаров 1962: 17–21].

Так, Л. Д. Шагдаров отметил сходство принципа разделения звукоподражательных и образных слов на неизменяемые и производные глагольные формы [Шагдаров 1962: 21]. Далее автор указал на то, что неизменяемые образные слова якутского языка употребляются в речи при помощи служебного глагола *гын* ‘делать’, образуя аналитическую форму глагола, другие — с послеложной частицей

курдук ‘подобный, похожий’, образуя аналитическую форму прилагательного. В бурятском языке возможно только сочетание неизменяемого образного слова со служебным глаголом гэхэ ‘говорить, сказать’. Еще одним сходным моментом, по мнению автора, является наличие видовых форм образных глаголов в обоих языках [Шагдаров 1962: 20].

В своем обзоре Л. Д. Шагдаров также дает оценку положений Л. Н. Харитонов в свете общей теории изобразительных слов. Автор отмечает одинаковую позицию якутского ученого с Н. И. Ашмариным в вопросе восприятия звуковых явлений у разных народов по-разному, тем самым подтверждая условный характер подражания звукам [Шагдаров 1962: 20–21]. Автор также указывает на то, что Л. Н. Харитонов сумел развить и конкретизировать мысль Н. И. Ашмарина о звукоподражательном происхождении некоторых образных слов [Шагдаров 1962: 21].

И заключает свой обзор исследователь тем, что изобразительные слова якутского и бурятского языков «имеют сходную структуру, общие их принципы словообразования и встречается много общих корней и аффиксов» [Шагдаров 1962: 21]. Ученый оставляет открытым вопрос об их взаимовлиянии, предполагая, что ответы может дать более подробное сравнительное изучение изобразительных слов в монгольских и тюркских языках.

Среди современных исследователей образной лексики якутского языка необходимо отметить Л. А. Афанасьева [Афанасьев 1992], изучившего влияние звукового оформления на семантику образных слов. В бурятском языкознании фоносемантическую сторону изобразительных слов изучила Е. В. Сундуева [Сундуева 2011].

Семантическая сторона образных прилагательных якутского языка с привлечением сравнительного материала из бурятского и киргизского языков рассмотрена С. Д. Егиновой [Егинова 2014]. В работе представлены лексико-семантические группы образных прилагательных, характеризующих различные формы предметов, внешнего вида человека и цветосветовые представления, а также даны их полные семантические характеристики.

Вопрос функционирования образной, в том числе звукоподражательной, лексики в эпическом тексте и в якутском, и в бурятском языках недостаточно раскрыт. Л. Ц. Санжеева в докторской диссертации о поэтике бурятского эпоса [Санжеева 2011] затрагивает вопрос функционирования в эпическом тексте звукоподражаний и звукоизображений в рамках изучения экспрессивных повторов и фонэстетических слов и выражений [Санжеева 2011: 222–228]. Исследователь заключает, что экспрессивные повторы с звукоподражаниями и звукоизображениями усиливают образ описываемого, а также демонстрирует методику установления значений, не зарегистрированных в словарях звукоподражательных и звукоизобразительных слов, по принципу фонэстетики [Санжеева 2011: 228].

В якутском языке использование образной лексики в олонхо остается недостаточно изученным, хотя еще Г. У. Эргис [Эргис 2008: 212–213] и П. А. Слепцов [Слепцов 1990: 208] отмечали высокий исследовательский потенциал этого материала. На сегодняшний день изучение образной лексики в якутском эпосе олонхо и других эпосах тюрко-монгольских народов началось в рамках научного проекта «Героические эпосы тюрко-монгольских

народов Евразии: проблемы и перспективы сравнительного изучения» Научно-исследовательского института Олонхо Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова [Герасимова 2020; Zhirkova 2019].

Таким образом, образная (изобразительная) лексика в обоих языках изучена достаточно подробно, их схожесть в структурном и семантическом аспектах подтверждена исследователями языка. Однако исследования образной лексики в плане ее функционирования в эпическом тексте только начинают разворачиваться.

3. Материалы исследования

Настоящая статья посвящена сравнительному исследованию лексических параллелей в образной (изобразительной) лексике якутского и бурятского языков на основе анализа текстов бурятского улигера «Аламжи Мэргэн» сказителя Е. Шалбыкова [АМ 1991] и якутских олонхо, представленных тремя основными региональными эпическими традициями: центральной («Кыыс Дэбилэйэ» Н. П. Бурнашева из Усть-Алданского улуса [КД 1993]), вилюйской («Могучий Эр Соготох» В. О. Каратаева из Вилюйского улуса [МЭС 1996]) и северной (олонхо «Хаан Дьаргыстай», записанное от неизвестного олонхосута в Верхоянском улусе [ХД 2016]). Эти тексты являются яркими образцами сказительского искусства и традиций преемственности эпического наследия своего региона и народа в целом.

Образная (изобразительная) лексика в якутском и бурятском эпических текстах преимущественно представлена образными глаголами, прилагательными и наречиями. Собственно образные слова и в якутском, и в бурятском текстах встречаются единично. Поскольку мы считаем, что существует общность образной (изобразительной) лексики якутского и бурятского языков, сравнительный анализ будет проведен только на материале обнаруженных лексических параллелей и особенностей их использования в эпическом тексте.

Лексические параллели образной (изобразительной) лексики, обнаруженные в эпических текстах, по семантическому значению разделены на тематические группы.

4. Образная (изобразительная) лексика, описывающая внешний вид персонажей

Уяатай-ла мориндол / Бэгэйхэжи байхаль-би [АМ 1991: 132] 'Буду сгорбленным, / Словно привязанный конь' [АМ 1991: 133].	Тобус сиринэн бөкчөбөр,.../ Куһи утуйа сытар [ХД 2016: 52] 'С горбами в десяти местах / Человек спит' ¹ .
--	--

В данном примере единицы образной (изобразительной) лексики представлены разными частями речи: бур. *бэгзыхэ* ('1) быть сутулым, горбиться; ёжиться; вид. *бэгзэгэд гэхэ* слегка сгорбиться; 2) сгибаться, изгибаться' [БРС, 1 2010: 170]) является глаголом, а як. *бөкчөбөр* 'согнутый, сгорбленный, горбатый (о спине человека)' [БТСЯ, 2 2005: 443]) — прилагательным. Общим для обоих слов выступает семантическое значение «иметь горб, быть сгорбленным».

¹ Здесь и далее в отсутствии указания на источник перевода дается перевод автора статьи.

Прилагательное *бөкчөбөр* произведено от образного глагола *бөкчөй* ‘согнуться, становиться согнутым, сгорбленным’ [БТСЯЯ, 2 2005: 444] с присоединением аффикса *-бар / -гар*. В бурятском языке этому аффиксу соответствует *-гар (-гэр, -гор)*, который образует от изобразительных глаголов прилагательные, обозначающие форму, объем и размер, представляющихся в образном виде. К. М. Черемисов отметил, что аффикс *-гар (-гэр, -гор)* придают прилагательным «качество, выходящее за пределы нормального, большей частью о внешнем виде человека, животного и частей тела (названия чрезвычайно эмоциональные)» [БМРС 1951: 817]. В данном случае глагол *бэгзыхэ* имеет прилагательную форму *бэгзэгэр* ‘сутулый, сгорбившийся; горбатый’ [БРС, 1 2010: 170].

Несмотря на сходство семантического значения, они различаются контекстом использования слова и объектом описания (Аламжи Бэргэн и абаасы). В бурятском эпосе *бэгзыхэ* использовано в значении «сгорбиться от усталости». В якутском олонхо *бөкчөбөр* имеет выраженную отрицательную коннотацию, так как речь идет о безобразном виде абаасы — богатыря-чудовища из Нижнего мира.

К этой же группе отнесем слова *арбагай* и *арбай*:

<i>Арбагай</i> эбэртэй бугайе / Алалдажи байгаальби [АМ 1991: 224] ‘Ты, догнав изюбра широкорогого , / С ним схватился’ [АМ 1991: 225]	<i>Арбайа</i> сүүрбүт абааһылаах / Дойдуга тийсэн кэлбитэ [МЭС 1996: 124] ‘и бесы беспорядочно мельтешат вот в такую страну пришел’ [МЭС 1996: 125]
---	--

Здесь также единицы образной лексики представлены разными частями речи: бур. *арбагай* — прилагательное, означающее ‘растопыренный; лохматый, косматый’ [БРС, 1 2010: 76], як. *арбай* — глагол со значением «быть растрепанным, взьерошенным, взлохмаченным (о волосах)» [БТСЯЯ, 1 2004: 541]. Прилагательное *арбагай* образовано с помощью аффикса *-гай (-гэй, -гой)*, которое несколько напоминает прилагательные на *-гар* «как по условиям образования, так и частично по своему значению (отличаясь однако от них своей непродуктивностью)» [Грамматика бурятского языка 1962: 123]. При этом в словарном фонде бурятского языка также присутствует прилагательное *арбагар* «1) растопыренный; косматый, лохматый; ветвистый; 2) пушистый (о снеге)» [БРС, 1 2010: 76]. Значения этих двух прилагательных похожи, но *арбагар* имеет более широкое семантическое значение, так как описывает не только волосы, но и растения и снег. Глагол *арбайха*, от которого образованы прилагательные, имеет значение «растопыриться; растрепаться, взлохматиться, стать дыбом» [БРС, 1 2010: 76].

От якутского образного глагола *арбай* также может образоваться прилагательное с помощью аффикса *-бар*: *арбабар* «1) взьерошенный; растрепанный, всклокоченный (о волосах); 2) раскидистый, разросшийся (о деревьях, кустах)» [БТСЯЯ, 1 2004: 540]. Семантическое значение якутского прилагательного шире, чем у бурятского *арбагай*, но уже, чем *арбагар*. В целом схожесть значения и внешнего облика рассматриваемых единиц образной (изобразительной) лексики якутского и бурятского языков очевидна.

Однако данный пример интересен еще и тем, как использованы рассматриваемые единицы образной лексики в тексте эпоса. В бурятском эпосе образное прилагательное *арбагай* относится к рогам изюбря, что не выходит за рамки семантического значения этого слова. В переводе дано вполне подходящее, передающее значение образа слово «широкорогого». В якутском эпосе образный

глагол *арбайа* использован при описании Нижнего мира через его обитателей, в том числе абаасы — чудовища из Нижнего мира. *Арбайа сүүрбүт абаанылаах / Дойдуга тийсэн кэлбитэ* буквально можно перевести как ‘приехал в страну, где бегают абаасы с **взъерошенными** волосами’. В данном контексте образный глагол приобретает отрицательную коннотацию, возможно, даже присутствует некая комичность, тем самым подчеркивается ироничное отношение сказителя к описываемому Нижнему миру.

Помимо вышеназванных образных слов в якутских и бурятском эпических текстах обнаружена еще одна лексическая параллель: бур. *алсайха* «1) раздвигать, расставлять ноги; 2) оттопыривать» [БРС, 1 2010: 55] и як. *алчай* (ср. *аччай*, *ахчай*) «расставлять, раздвигать ноги, раскорячиваться» [Харитонов 1954: 258].

5. Образная (изобразительная) лексика, характеризующая мимику и лицо персонажей

<i>Ангалзаха аматайхан / Байгтуй!» — гэжи хэлэбэл-даа</i> [АМ 1991: 276] ‘Будьте такими — / С разинутой пастью! — так он сказал» [АМ 1991: 277]	<i>Дьэбиннээх харахтарын тизэр көрөн, / Архахтаах айахтарын аначчы атан</i> [КД 1993: 94] ‘ржавые глаза скосив-выпучив, / воспаленные рты широко разинув » [КД 1993: 95]
--	--

В данном примере глагол *ангалзаха* означает «1) открывать, раскрывать; 2) *перен.* ротовейничать» [БРС, 1 2010: 67]. Образован от глагола *ангайха* ‘раскрываться, открываться, зиять; разверзаться» [БРС, 1 2010: 67] при помощи аффикса *-ла*, придающего дополнительный семантический окрас мерного, ритмичного действия. Наречие из якутского примера *аначчы* «настежь, широко» [БТСЯЯ, 1 2004: 498] образовано от образного глагол *ангай* «1) зиять большим черным отверстием; 2) распахиваться, раскрываться широко; 3) раскрыв рот, стоять неподвижно, как вкопанный (от испуга, удивления и пр.)» [БТСЯЯ, 1 2004: 495–496].

Как видно из определений, бур. *ангайха* и як. *ангай* имеют одинаковое семантическое значение, эти глаголы могут относиться не только ко рту, но и ко всему, что открыто, распахнуто, зияет. Это подтверждается другим примером из бурятского эпоса: *Алтай сагаан хаданхъям / Ангалзажи ошолойл* ‘Священная гора Алтая / Раздалась, **приоткрылась**» [АМ 1991: 162–163], в котором речь идет о горе.

К образным словам, характеризующим мимику, отнесем также следующее:

<i>Агуй Гоохон басаган / Буруу тээшээ харажи / Мишигэд гэжи незэжи-лэ</i> [АМ 1991: 200] ‘Агуй Гохон-сестрица / Глаза отвела в сторону, / Про себя усмехнулась » [АМ 1991: 201]	<i>Аан дайды иччитэ / Аан Алахчын Хатын / Бэттэх көрөн мичик гын</i> [КД 1993: 254] ‘Дух-хозяйка изначальной земли / Аан Алахчын Хатын, / в эту сторону погляди- улыбнись! » [КД 1993: 199]
--	---

Глагол *мишигэд гэхэ* (в западном наречии бурятского языка *мэшэгэд гэжэ* ‘улыбаться» [БРС, 1 2010: 578]) является составным, употребляется в речи вместе со служебным глаголом *гэхэ* ‘говорить’. Такую же основу имеют глаголы *мэшэгэхэ* ‘высок. улыбаться» [БРС, 1 2010: 578] и *мэшэлзэхэ* ‘улыбаться (время от времени и неприметно)» [БРС, 1 2010: 578]. Якутское *мичик гын* имеет значение

‘улыбнуться’ и является примером употребления собственно образного слова в сочетании со служебным глаголом *гын* ‘делать’, которое «можно рассматривать как аналитическую (синтаксическую) форму глагола с моментально-однократным значением» [Харитонов 1954: 201]. Так же, как и в бурятском примере, от основы *мичик* могут быть образованы глаголы *мичий* «светиться, сиять тихой улыбкой» [БТСЯЯ, 6 2009: 267] и *мичилий* ‘1) светиться улыбкой, лучиться радостью; 2) поэт. предстать во всей красе» [БТСЯЯ, 6 2009: 268].

В тексте эпосов рассмотренные образные слова относятся к женским персонажам: в якутском олонхо — это обращение к духу земли Аан Ахталыйа, в бурятском — про главную героиню Агуй Гоохон. В обоих случаях в контексте эпоса прослеживается положительный оттенок значения.

6. Образная (изобразительная) лексика, характеризующая различные формы предметов

Поскольку основная функция образной лексики в целом — это передача сложного зрительного образа предмета или человека, в тексте якутского и бурятского эпосов данная группа наиболее многочисленна. Главная характеристика образной лексики данной группы — это соединение представления о движении с формой и структурой предмета, т. е. при определенном движении меняется форма или положение предмета. Рассмотрим пример:

Булад сагаан ядан-ла / Арбан гурбан газар / Тэхэрэжи нугарҕа / Ошоһониин тэрэл-даа! [АМ 1991: 128] ‘Острое булатное копье / Тринадцатипятиаршинное / Согнулось, расплющилось / И отлетело назад’ [АМ 1991: 129]	Сотобунан долгуйар / Солко нуоҕай бытырыыс / Субуруйа долгуйууй [МЭС 1996: 350] ‘До щиколоток моих / ниспадающая-трепещущая / шелковая бахрома, проколюхайся-ка’ [МЭС 1996: 351]
--	---

Здесь образный глагол *нугарҕа* имеет значение ‘1) сгибаться; перегибаться, гнуться; 2) переламываться, разъединяться’ [БРС, 1 2010: 617]. Якутское образное слово *нуоҕай* может использоваться в качестве глагола ‘1) склониться, согнуться (о растениях); 2) покачиваться из стороны в сторону, пошатываться, двигаться плавно, переваливаясь с боку на бок’ [БТСЯЯ, 6 2009: 485], так и отглагольное прилагательное ‘гнувшийся, клонящийся (например, о ветке дерева)’ [БТСЯЯ, 6 2009: 486]. В данном случае *нуоҕай* используется как отглагольное прилагательное. Общим семантическим признаком якутского и бурятского образного слова будет ‘сгибаться, гнуться’. Однако *нуоҕай* имеет более узкое значение, так как применим в основном к растениям, тогда как *нугарҕа* имеет более широкое семантическое значение.

В тексте бурятского эпоса *нугарҕа* использован при описании булатного копья, которое согнулось после удара по Аламжи Мэргэну. Здесь образный глагол усиливает гиперболизацию несокрушимости главного героя. В якутском эпосе *нуоҕай* использован в речи удаганки, прилетевшей в облике стерха и приносящей от верховных божеств пожилым родителям благую весть об их сыне. В данном случае *нуоҕай* относится к бахrome — части удаганской одежды, а не растениям, как это принято в современном литературном языке. На наш взгляд, такой сдвиг семантики слова можно расценивать как индивидуальный стиль сказителя.

Далее рассмотрим пример, демонстрирующий развитие значения образных слов:

<i>харбайжи</i> -ла татана [АМ 1991: 180] 'Курила она, трубку протягивая ' [АМ 1991: 181]	<i>Сарбайа</i> үүнэн, Сараадыйа уааатан испитэ эбитэ үһү [МЭС 1996: 78] ' растопыриваясь во все стороны, по- степенно увеличивалась, оказывается' [МЭС 1996: 79]
---	---

Так, бурятское *харбайха* имеет значения '1) протягивать руку (или что-л. в руках); 2) *парн.* к *hanaха*; 3) растрепываться, распускаться (о волосах); торчать; быть в беспорядке; 4) растопыриваться; раскидываться' [БРС, 2 2010: 551], якутское *сарбай* — '1) вытягивать руку или лапу с растопыренными когтями к кому-чему-л. с намерением схватить; 2) быть раскидистым, разлапистым, широким (напр., о ветвях, листьях)' [БТСЯЯ, 8 2011: 272]. В представленных глаголах первичнее было значение «представления о контурном и объемном расширении предмета, о раздвигании и выставлении отростков, отщепов и пр.» [Харитонов 1954: 224], т. е. представление о чем-то растопыренном, раскидистом. Затем ассоциация растопыренного, раскидистого вида перешла на ассоциацию движения с таким видом, что повлекло за собой появление нового значения 'протянуть руки', подразумевающего, что при этом растопыриваются пальцы. Весьма занятно, что развитие значения *сарбай* и *харбайха* произошло и в якутском, и в бурятском языках симметрично.

В тексте бурятского эпоса *харбайха* использован во вторичном значении 'протянуть руку', в якутском эпосе *сарбай* — в первичном 'быть раскидистым, разлапистым, широким', причем речь здесь идет об ушах важенки — самки северного оленя. Следует отметить, что *сарбай* в данном случае входит в состав распространенной преимущественно в вилюйской и северной традиции эпической формулы, описывающей создание мира. Встречается в зачине олонхо.

Следующий пример примечателен тем, что лексическая параллель обнаружилась сразу в трех текстах:

<i>Хүхүй улаан хадан-бэй / Хэлбэлзэжи ошобол</i> [АМ 1991: 276] 'Гора-исполин Хухэй / К ней наклонилась ' [АМ 1991: 276]	<i>Онтон буоллабына, ол алаара-абы өттүгэр / Кэйбэлибэт кэтит үтүгэннэ...</i> / Аан Дараһы биһин ууһун / Атамаана буолбут Арсын Дуолай Тойон диэн, / Аан Дьааһын Хатын диэн бааллар үһү [ХДЬ 2016: 20] 'С той нижней стороны, / В не прогибающейся широкой бездне... / Племена Аан Дарасы / Ставший атаманом Арсын Дуолай Тойон и / Аан Джасын Хотун жили'	<i>Кэбиэлээтэр кэйбэлдьий-бэт / Кэтит киэлилээх...</i> / Алыгыр-налыгыр / Аан-ийэ дойду диэн [КД 1993: 74] 'с [таким] необъятным простором, / [что] качнeshь — не качнется , .../ безмятежно спокойная / изначальная мать-земля' [КД 1993: 75]
---	---	---

Бурятский глагол *хэлбэлзэхэ* имеет значение '1) наклоняться, крениться; 2) качаться, колыхаться, колебаться; 3) *перен.* плыть' [БРС, 2 2010: 514]. В якутском языке *кэйбэйдый* означает 'согнуться, прогнуться под тяжестью чего-л. (обычно употр. в отриц. ф.)' [БТСЯЯ, 5 2008: 459] и является производной от *кэйбэй* 'выгибаться, вилять в сторону средней частью тела' [Харитонов 1954: 291] в форме раздельной кратности. Эта форма образуется путем присоединения

к основе образного глагола аффикса *-лдьаа*, который может быть соотносим с бурятским *-лза* (*-лзе*, *-лзо*), придающим образным глаголам значение «мерно-ритмических, длительно-прерывистых, длительно-комитативных и ослабленных действий» [Грамматика бурятского языка 1962: 185].

Кэйбэлдый в основном употребляется в фольклорных текстах, в том числе и в олонхо, стилистически близок к высокой лексике и является компонентом устойчивого выражения при описании земли в зачине олонхо во всех региональных эпических традициях. Примечательно, что в представленных двух примерах из якутского олонхо в первом примере речь идет о Нижнем мире, во втором — о Среднем. В обоих случаях образный глагол показывает устойчивость и непоколебимость миров. Семантическое значение *хэлбэлзэхэ* шире и в тексте эпоса имеет нейтральный характер.

К этой группе также отнесем следующие лексические параллели: бур. *хэ-лтэйхэ* ‘отламывать, откалывать’ [БРС, 2 2010: 515] и як. *кэлтэгэй* ‘ущербный (месяц), имеющий только одну сторону, один бок (например, о шалаш)’ [БТСЯЯ, 5 2008: 476] от *кэлтэй* ‘убывать, ущербляться с одной стороны, становиться несимметричным; перевалить за середину’ [Харитонов 1954: 291]; бур. *мондогор* ‘круглый’ от *мондойхо* ‘1) быть округлым (или выпуклым); выдаваться; 2) *перен.* быть с горбинкой (о носе)’ [БРС, 1 2010: 556] и як. *мэндэй* (ср. *мөндөй*) ‘возвышаться над другими, выделяться масштабностью (о строительстве)’ [БТСЯЯ, 6 2009: 405]; бур. *нахилзаха* (от *нахиixa*) ‘1) изгибаться, прогибаться; 2) пружиниться, качаться; 3) пластично двигаться (о походке)’ [БРС, 1 2010: 596] и як. *накырый* (от *накый*) ‘сгибать ноги в коленях, стоять на полусогнутых ногах’ [БТСЯЯ, 6 2009: 441]; бур. *хотойхо* ‘1) гнуться, прогибаться (под тяжестью); становиться вогнутым, прогнутым, ломиться; 2) *перен.* уменьшаться (обычно о богатстве); 3) изгибаться, искривляться’ [БРС 2, 2010: 453] и як. *хоточчу* от *хотой* ‘от тяжести прогибаться, оседать, провисать’ [БТСЯЯ, 13 2016: 620].

7. Заключение

Сравнительный анализ лексических параллелей образной (изобразительной) лексики якутского и бурятского языков в эпическом тексте показал, что благодаря яркому эмоционально-оценочному характеру они позволяют не просто вызвать ассоциацию с движением и объектом, совершающим это действие, но и выразить отношение сказителя к описываемому явлению.

Следует также отметить, что образные слова в эпических текстах в большинстве случаев подобраны по принципу вертикальной и горизонтальной аллитерации. Это говорит о гибкой природе образных слов, а также мастерстве сказителя, умении подобрать емкое слово, выражающее сложную картину, будучи ограниченным определенными фонетическим рамками.

В семантическом плане наблюдается аналогичное развитие значения образных слов, а также одинаковая широта или узость семантического значения слова.

Высокая производительность образных глаголов свойственна обоим языкам в одинаковой степени. Так, в исследуемых текстах якутского и бурятского выявлены отглагольные образные (изобразительные) прилагательные с аффиксами *-бар* / *-гар* и видовые формы глаголов с аффиксами *-лдьый* / *-лза*, имеющими дополнительный семантический окрас мерного, ритмичного действия.

Идентичные типовые образные представления у якутов и бурят объясняются удивительной общностью образной (изобразительной) лексики якутского и

бурятского языков, обусловленной длительными контактами народов. Наличие данной лексики в сохранных до наших дней памятниках эпического наследия якутского и бурятского народов позволит определить специфику их языкового восприятия мира и образного мышления.

Литература

- АМ 1991 — Бурятский героический эпос «Аламжи Мэргэн» / сост. М. И. Тулохонов. Новосибирск: Наука, СО, 1991. 312 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока). (На бур. и рус. яз.)
- Антонов 1966 — Антонов Н. К. О некоторых якутских именных основных монгольского происхождения // Труды историко-филологического факультета (Якутский университет). 1966. Вып. 1. С. 207–214.
- Афанасьев 1992 — Афанасьев Л. А. Фоносемантика образных слов якутского языка: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Якутск, 1992. 21 с.
- Бётлингк 1989 — Бётлингк О. Н. О языке якутов / пер. с нем. В. И. Рассадина; отв. ред. Е. И. Убрятова. Новосибирск: Наука, 1989. 646 с.
- БМРС 1951 — Бурят-монгольско-русский словарь / сост. К. М. Черемисов. М.: Гос. изд-во ин. и нац. словарей, 1951. 852 с.
- БРС, 1 2010 — Бурятско-русский словарь. В 2 тт. Т. 1. А–Н / Л. Д. Шагдаров, К. М. Черемисов. Улан-Удэ: Респ. тип., 2010. 636 с.
- БРС, 2 2010 — Бурятско-русский словарь. В 2 тт. Т. 2. О–Я / Л. Д. Шагдаров, К. М. Черемисов. Улан-Удэ: Респ. тип., 2010. 708 с.
- БТСЯЯ, 1 2004 — Большой толковый словарь якутского языка. Т. 1 / под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2004. 679 с.
- БТСЯЯ, 2 2005 — Большой толковый словарь якутского языка. Т. 2 / под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2005. 910 с.
- БТСЯЯ, 5 2008 — Большой толковый словарь якутского языка. Т. 5 / под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2008. 615 с.
- БТСЯЯ, 6 2009 — Большой толковый словарь якутского языка. Т. 6 / под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2009. 518 с.
- БТСЯЯ, 7 2010 — Большой толковый словарь якутского языка. Т. 7 / под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2010. 518 с.
- БТСЯЯ, 8 2011 — Большой толковый словарь якутского языка. Т. 8 / под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2011. 572 с.
- БТСЯЯ, 13 2016 — Большой толковый словарь якутского языка. Т. 13 / под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2016. 638 с.
- Герасимова 2020 — Герасимова Л. Н. Функциональная особенность якутских и бурятских изобразительных глаголов в эпическом тексте // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Сер.: Эпосоведение. 2020. № 4(20). С. 137–145.
- Грамматика бурятского языка 1962 — Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология / отв. ред. Г. Д. Санжеев. М.: Вост. лит., 1962. 340 с.
- ГСЯЛЯ 1982 — Грамматика современного якутского языка. Фонетика и морфология / под ред. Е. И. Коркиной, Е. И. Убрятовой и др. М.: Наука, 1982. 495 с.
- Егинова 2014 — Егинова С. Д. Образные прилагательные якутского языка (в сопоставлении с бурятским и киргизским языками) / отв. ред. М. В. Зайнуллин. Новосибирск: Наука, 2014. 231 с.
- КД 1993 — Якутский героический эпос «Кыыс Дэбиллэй» / сост. П. Н. Дмитриев. Новосибирск: Наука, 1993. 330 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока). (На як. и рус. яз.)
- Котвич 1962 — Котвич В. Л. Исследования по алтайским языкам / пер. с польск.

- А. И. Толкачева. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1962. 371 с.
- Кулаковский 1979 — *Кулаковский А. Е.* Научные труды / подг. к печ. Н. В. Емельянов. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1979. 494 с.
- МЭС 1996 — Якутский героический эпос «Могучий Эр Соготох» / отв. ред. Н. В. Емельянов. Новосибирск: Наука, 1996. 440 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; т. 10). (На як. и рус. яз.)
- Рамстедт 1957 — *Рамстедт Г. Й.* Введение в алтайское языкознание. Морфология / пер. с нем. Л. С. Слоним. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1957. 225 с.
- Рассадин 1980 — *Рассадин В. И.* Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. М.: Наука, 1980. 114 с.
- Рассадин 2017 — *Рассадин В. И.* Бурятизмы в якутском языке // Рассадин В. И. Монголоведные исследования-2. Внешние связи монгольских языков (избранное) / под ред. С. М. Трофимовой. Элиста: Калм. ун-т, 2017. С. 4–9.
- Санжеева 2011 — *Санжеева Л. Ц.* Поэтика фольклорного текста (на материале бурятского эпоса): дисс. ... д-ра филол. наук. Улан-Удэ, 2011. 358 с.
- Слепцов 1990 — *Слепцов П. А.* Якутский литературный язык: формирование и развитие общенациональных норм. Новосибирск, Наука, 1990. 288 с.
- Сундуева 2011 — *Сундуева Е. В.* Звуки и образы: фоносемантическое исследование лексем с корневыми согласными [г/м] в монгольских языках / отв. ред. Л. В. Шулунова. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2011. 344 с.
- Убрятова 1960 — *Убрятова Е. И.* Якутский язык в его отношении к другим тюркским языкам, а также к языкам монгольским и тунгусо-маньчжурским. М.: Вост. лит., 1960. 34 с.
- Харитонов 1954 — *Харитонов Л. Н.* Типы глагольной основы в якутском языке / отв. ред. Н. К. Дмитриев. М.; Л.: АН СССР, 1954. 312 с.
- Харитонов 1960 — *Харитонов Л. Н.* Формы глагольного вида в якутском языке / отв. ред. Е. И. Убрятова. М.; Л.: Наука, 1960. 179 с.
- ХДь 2016 — Хаан Дьаргыстай: олонхо: текст / хомуйан онордо В. В. Илларионов. Дьокуускай: Алаас, 2016. 232 с. (На як. яз.)
- Цыдендамбаев 1958 — *Цыдендамбаев Ц. Б.* Изобразительные слова в бурятском языке // Филология и история монгольских народов. Памяти Б. Я. Владимирцова. М.: Вост. лит., 1958. С. 136–151.
- Шагдаров 1962 — *Шагдаров Л. Д.* Изобразительные слова в современном бурятском языке / отв. ред. И. Д. Бураев. Улан-Удэ, 1962. 149 с.
- Эргис 2008 — *Эргис Г. У.* Очерки по якутскому фольклору / отв. ред. В. Е. Гусев. Якутск: Бичик, 2008. 408 с.
- Ястремский 1900 — *Ястремский С. В.* Грамматика якутского языка С. В. Ястремского // Труды Якутской экспедиции, снаряженной на средства И. М. Сибирякова. Иркутск: Изд. книжного магазина П. И. Макушина, 1900. Отд. 2. Т. 3. Ч. 2. Вып. 2. С. 1–332.
- Kaluzynski 1961 — *Kaluzynski St.* Mongolische Elemente in der jakutischen Sprache. Warszawa, 1961. 170 s. (На нем. яз.)
- Radloff 1908 — *Radloff W.* Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen. St.-Pb., 1908, T. VIII. №7. 87 s. (На нем. яз.)
- Zhirkova 2019 — *Zhirkova E. E.* Imitative Words in Yakut and Khakass Epic Texts: Lexical and Semantic Features // Journal of History Culture and Art Research. 2019. No. 8(4). Pp. 204–217. DOI: 10.7596/taksad.v8i4.2370.

References

- “Alamzhi Mergen” Buryat Heroic Epic. Comp. M. I. Tulohonov. Novosibirsk: Nauka, 1991. 312 p. (Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the far East). (In Bur., Russ.)
- Afanas'ev L. A. Phonosemantics of Figurative Words of the Yakut language. Cand. diss. (Philology). Yakutsk, 1992. 21 p. (In Russ.)

- Antonov N. K. About some Yakut Nominal Basic Mongolian Origin. Works of the History and Philology Faculty (Yakut University). 1966. No. 1. Pp. 207–214. (In Russ.)
- Big Explanatory Dictionary of the Yakut Language. V. 1 / ed. P. A. Sleptsov. Novosibirsk: Nauka, 2004. 679 p. (In Yakut.)
- Big Explanatory Dictionary of the Yakut Language. V. 2 / ed. P. A. Sleptsov. Novosibirsk: Nauka, 2005. 910 p. (In Yakut.)
- Big Explanatory Dictionary of the Yakut Language. V. 5 / ed. P. A. Sleptsov. Novosibirsk: Nauka, 2008. 615 p. (In Yakut.)
- Big Explanatory Dictionary of the Yakut Language. V. 6 / ed. P. A. Sleptsov. Novosibirsk: Nauka, 2009. 518 p. (In Yakut.)
- Big Explanatory Dictionary of the Yakut Language. V. 7 / ed. P. A. Sleptsov. Novosibirsk: Nauka, 2010. 518 p. (In Yakut.)
- Big Explanatory Dictionary of the Yakut Language. V. 8 / ed. P. A. Sleptsov. Novosibirsk: Nauka, 2011. 572 p. (In Yakut.)
- Big Explanatory Dictionary of the Yakut Language. V. 13 / ed. P. A. Sleptsov. Novosibirsk: Nauka, 2016. 638 p. (In Yakut.)
- Buryat-Mongolian-Russian Dictionary. comp. K. M. Cheremisov. Moscow: State publ. of Foreign and National Dict., 1951. 852 p. (In Bur. and Russ.)
- Buryat-Russian Dictionary. In 2 vol. Vol. 1. A–N / L. D. Shagdarov, K. M. Cheremisov. Ulan-Ude: Resp. typ., 2010. 636 p. (In Bur. and Russ.)
- Buryat-Russian Dictionary. In 2 vol. Vol. 1. 2. O–Ya / L. D. Shagdarov, K. M. Cheremisov. Ulan-Ude: Resp. typ., 2010. 708 p. (In Bur. and Russ.)
- Betlingk O. N. About the Language of Yakuts. Translation from German V. I. Rassadin; ed. E. I. Ubryatova. Novosibirsk: Nauka, 1989. 646 p. (In Russ.)
- Eginova S. D. Figurative Adjectives of the Yakut Language (in comparison with the Buryat and Kyrgyz languages) / ed. M. V. Zaynullin. Novosibirsk: Nauka, 2014. 231 p. (In Russ.)
- Ergis G. U. Essays on Yakut Folklore. ed. V. E. Gusev. Yakutsk: Bichik, 2008. 408 p. (In Russ.)
- Grammar of the Buryat Language. Phonetics and Morphology / ed. G. D. Sanzheev. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1962. 340 p. (In Russ.)
- Grammar of the Modern Yakut Language. Phonetics and Morphology / ed. E. I. Korkina, E. I. Ubryatova. Moscow: Nauka, 1982. 495 p. (In Russ.)
- Gerasimova L. N. Functional Feature of Yakut and Buryat Image-Forming verbs in Epic Text. *Vestnik of North-Eastern Federal University*. Series “Epic Studies”. 2020. No. 4(20). Pp. 137–145. (In Russ.)
- Kaluzynski St. Mongolische Elemente in der Jakutischen Sprache. Warszawa, 1961. 170 p. (In Germ.)
- Khaan Dzhangystai: olonkho: Textbook. comp. V. V. Illarionov. Yakutsk: Alaas, 2016. 232 p. (In Yakut.)
- Kharitonov L. N. Types of Verb Stem in the Yakut language. ed. N. K. Dmitriev. Moscow, Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1954. 312 p. (In Russ.)
- Kharitonov L. N. Verb forms in the Yakut language. ed. E. I. Ubryatova. Moscow; Leningrad: Nauka, 1960. 179 p. (In Russ.)
- Kotvich V. L. Studies in Altaic languages / transl. from Polish by A. I. Tolkacheva. M.: Publishing House of Foreign Languages Lit., 1962. 371 p.
- Kulakovskij A. E. Academic works / prep. to publ. N. V. Emelyanov. Yakutsk: Yakutsk Publ., 1979. 494 p. (In Russ.)
- “Kyys Debiliye” Yakut Heroic Epic. Comp. P. N. Dmitriev. Novosibirsk: Nauka. Siberian publ. company, 1993. 330 p. (Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the far East). (In Yakut. and in Russ.)
- “Mighty Er Sogotokh” Yakut Heroic Epic. ed. N. V. Emelyanov. Novosibirsk: Nauka, 1996. 440 p. (Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the far East; Vol. 10). (In Yakut. and in Russ.)

- Radloff W. Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen. St. Petersburg, 1908. Vol. 8. No. 7. 87 p. (In Germ.)
- Rassadin V. I. Buryatisms in Yakut language. In: Rassadin V. I. Mongolian Studies 2. External Relations of the Mongolian Languages (selected) / ed. S. M. Trofimova. Elista: KSU Publ., 2017. Pp. 4–9. (In Russ.)
- Rassadin V. I. Mongolian-Buryat borrowings in Siberian Turkic languages. Moscow: Nauka, 1980. 114 p. (In Russ.)
- Ramstedt G. J. Introduction to Altai linguistics. Morphology / transl. from German L. S. Slonim. M.: Publishing House of Foreign Languages. Lit., 1957. 225 p.